

Юрий Епанчин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НАКАНУНЕ “ТРИУМФА”

Все существующие определения интеллигенции тяготеют к двум полюсам. Первый из них акцентирует внимание на идейно-концептуальных и психологических качествах носителей интеллигентского сознания (система убеждений, общественная позиция, критическое отношение к сущему и проектирование должного). “Интеллигенция – сообщество пассионариев, ответственных личностей субъектного типа, отстаивающих право жить нравственно, призванное «глаголом жечь сердца людей», возбуждая общественную совесть, направленную на формирование нравственной власти и социально-справедливого государства”¹. В охранительной традиции это сообщество характеризуется как “своеобразный духовный орден, объединенный беспочвенностью своих умствований, идейностью принципов и враждебностью историческим началам”².

Второй подход – функционально-социологический: интеллигенция является “прослойкой” между различными классами и социальными группами, идейно оформляет их интересы, является посредником, выступающим от их имени перед лицом власти, то есть ей принадлежит техническая роль налаживания работы экономического и общественного механизма. Она борется за право оформляться в профессиональные, творческие, общественно-политические группы и союзы и защищать собственные интересы, но существенно изменить экономический и социально-политический строй не в состоянии. Особенностью российской интеллигенции являлось ее относительное “перепроизводство”: большое количество активных людей с высоким образовательным тезаурусом не находило себе применения в рамках полуфеодальной экономики и самодержавного строя³.

В начале XX века мировой капитализм окончательно утвердился в качестве ведущего планетарного уклада. Отсталые народы были включены в западную мир-систему на правах зависимых или колониальных стран. Вместе с тем адекватной мировой экономике политической системы не сложилось. Напротив, национальные государства переживали период расцвета, национализм являл-

¹ Нахушев В.Ш. Интеллигенция как сообщество пассионариев // Социс. 2006. №6. С.137.

² Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. История императорской России. — М., 1994. С.323.

³ Лебедев В. Судьба русской интеллигенции // Литературное обозрение. 1990. №9. С.3-10.

ся ведущим умонастроением эпохи. Внутренний рынок ведущих государств насыщался и развивался ускоренными темпами. Особенно преуспевали национально ориентированные экономики США и Германии. Именно эти страны оспаривали у Англии статус “мастерской мира”. Россия, занимавшая шестую часть мировой суши и имевшая самое большое население среди ведущих государств, значительно отставала от США, Англии, Германии и Франции не только по уровню жизни, но и по совокупному валовому продукту. Внутренний рынок был крайне узок, большинство крестьянского населения практически не участвовало в товарообмене и вынуждено было торговать только для того, чтобы уплатить необходимые налоги и подати. “Великая аграрная держава”, экспортировавшая миллиарды пудов зерна, существовала под угрозой голода среди значительной части населения. Столыпинская реформа сделала шаг к модернизации сельского хозяйства, но породила новые проблемы: внутренний рынок не был готов ни поглотить образовавшийся избыток рабочих рук, ни обеспечить население дешевыми потребительскими товарами.

Россия представляла собой Голиафа с пустым брюхом. А самодержавная империя продолжала проводить великодержавную экспансионистскую политику. Оплеуха, полученная на Дальнем Востоке от Японии, царизм ничему не научила. Он ввязался в войну с Германией и Австро-Венгрией из-за неудовлетворенных панславистских амбиций. Первая мировая война стала моментом истины для созданного Петром I милитаристского государства. И проверкой дееспособности русской интеллигенции.

Разразившаяся мировая война решала вопрос о выборе модели глобального мироустройства (говоря современным языком). Какой образ жизни будет навязан человечеству: англо-саксонская демократия с идеями либерального естественного права или решительный немецкий Ордунг, основанный на высокой производительности и позитивной науке? Население Европы (да и всего мира) с энтузиазмом приняло участие в этом “голосовании” как на полях сражений, так и в экономическом и интеллектуальном противостоянии. Подавляющее большинство участников считало, что это “последняя”, “великая” война, которая заставит противников смириться и признать превосходство “наилучшей” системы.

Русскому национальному сознанию предстояло определиться в этом противостоянии и, главное, осознать задачи, которые стоят перед страной и народом в этом формирующемся глобальном мире, какие цели и идеи следует отстаивать, и какое место следует в нем занять. В этом споре интеллигенции принадлежала ведущая роль. От ее позиции в буквальном смысле слова зависела судьба государства и нации.

Русская интеллигенция по своему социально-политическому составу и целевым установкам не была однородной. Она делилась на представителей охранительной или даже реставрационной ориентации (черносотенцы), прагматически-модернизаторской в рамках существующего строя (октябристы), доктринерской буржуазно-либеральной (кадеты), буржуазно-демократической (меньшевики, правые народники), радикально-демократической (эсеры), радикально-утопической (большевики, анархисты). Впрочем, партийная принадлежность не определяла всего спектра интеллигентских идейных воззрений. Как среди элиты, так и в массовых образованных слоях существовало неопределившееся большинство, частью кочевавшее из одного направления в другое.

Общественно-политический климат страны определяли не столько политические программы, сколько неуловимые социальные настроения, кристаллизовавшиеся на уровне бытового общения, и выразившиеся в совокупности повседневных действий и поступков.

Интеллигенция отличалась от основной массы населения лишь тем, что придавала этим массовым настроениям более или менее осмысленную форму.

После объявления войны националистический и милитаристский психоз охватил разные слои населения. В этом отношении Россия ничем не отличалась от других воюющих стран. Мобилизация, несмотря на опасения правительства, прошла успешно. Свыше 95 процентов призывников добровольно явились на призывные пункты. Правда, не обошлось без эксцессов. Крестьянская молодежь хотела погулять “напоследок”. Повсеместно происходили погромы складов и лавок в поисках спиртного.

Может показаться странным, но подавляющее большинство интеллигенции, несмотря на казалось бы непримиримые разногласия, с восторгом приняло войну. “Настроение отличное: спокойное, уверенное, торжественное, прямое, - записал в день объявления войны А.В. Орлов, - гордое, что наконец Россия вступила на твердый прямой путь и идет не колеблясь к намеченной цели”⁴. Многие выражали опасения, что “шельма” Вильгельм пойдет на пятую, и дипломаты не дадут России одержать “заслуженную победу”. Милитаристский угар захватил даже людей, склонявшихся ранее к пацифизму. “Против нас идут полчища диких, некультурных гуннов, которые будут все жечь и уничтожать на своем пути”, — провозглашал в печати А.И. Куприн⁵, выразивший уверенность, что “тевтоны” будут разгромлены к Рождеству. “Война – во спасение”, — такова была твердая позиция Леонида Андреева.

Почему же разнородные интеллигентские группировки оказались единодушны в стремлении довести войну “до победного конца”? Думается, что в тот исторический момент сложился целостный пасьянс, и карты легли соответствующим образом. Черносотенцы, несмотря на свое германофильство не рискнули выступить против царя (да это и противоречило их принципам), а раз война началась, то надо бороться до конца, иначе (в случае поражения) почти неизбежен крах самодержавия. Октябристы, связанные с бюрократическими кругами, понимали зависимость правительства от англо-французского капитала и ожидали от союзников послевоенных преференций, дальнейших инвестиций в крупную промышленность и льготных условий хлебного экспорта. Геополитические устремления неославянофилов питались химерами всеславянского объединения под эгидой русского царя, “спасения” славянских народов от чуждого культурного порабощения. Кадеты были фанатами западной демократии, правового государства, для них сотрудничество с Францией и Англией являлось само собой разумеющимся. Демократы выступали против германского милитаризма, так как считали, что победа Вильгельма усилит не только общеевропейскую, но и российскую реакцию. Оставались большевики и анархисты. Но и с ними не все просто. Анархисты на дух не переносили Ордунг и готовы были скорее пойти на защиту русской расхлябанности с оружием в руках и поддержать правительство, чем своей борьбой с ним способствовать установлению немецкой “дисциплины”. Даже у большевиков (су-

⁴ Орлов А.В. Хочется верить, но нечему... Странички из дневника // Родина. 2006. №7. С.70.

⁵ Куприн А.И. О войне // Война. — М., 1914. С.12.

дя хотя бы по скудным упоминаниям в трудах по истории КПСС) в начале войны существовали “разногласия”, и только после получения руководящих указаний из Цюриха от В.И. Ульянова-Ленина в их головах произошло прояснение. Такой симбиоз и образовал «патриотическое единство нации» под лозунгом “защиты своего Отечества”.

Пропагандистская продукция на военную тему заполнила рынок. Выходили серии брошюр под тематическими заголовками: “Война 1914 года”, “Великая война”, “Народная война”, “Вторая отечественная война” и даже “Великая отечественная война”. В театрах, клубах, ресторанах, публичных местах часто исполнялись гимны союзных государств и, конечно, “Боже, царя храни”. В печати и устных выступлениях постоянно муссировалась мысль, что “здоровый патриотизм” союзников, особенно “жертвенный патриотизм” русских, коренным образом отличается от агрессивного “варварского национализма” германцев. “Время славянофильствует” – так назвал свою программную статью философ В.Ф. Эрн. В ней он, в частности, писал: “Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается с смиренной, духовною и внутреннею идеею русскою”. Ход развития механистического немецкого духа привел, по его теории “от Канта к Крупшу”. Противостояние Германии и России Эрн ставит в центр мировой истории, “все другие силы группируются по периферии”⁶. Другой философ, Е.Н. Трубецкой, подчеркивал прогрессивность войны со стороны России, так как “территориальный консерватизм, который диктуется России ее жизненными интересами, делает ее естественной защитницей и покровительницей слабых и угнетенных народностей”⁷. Ему вторил Н.А. Бердяев, считая, что “Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира”⁸. Ученые срочно избавлялись от германского влияния в науке, педагоги – от засилья немецких методов воспитания. Но “приоритет в разжигании патриотических настроений принадлежал не солидным столичным журналам, а популярным изданиям... «Прославленные литераторы» в стихах и прозе усиленно бряцали оружием”⁹. Николай Гумилев в программном стихотворении уверял, что “светло и свято дело величавое войны”. Но он хоть пошел на фронт добровольцем. А Игорь Северянин призывал “лить кровь как воду”, не сходя с ресторанных подмостков. Впрочем, большинство литераторов предпочли от армии “откосить”, что не мешало им активно включиться в производство дешевой печатной продукции на патриотические темы. И.А. Бунин морщился от газет, в которых шла “возмутительная болтовня о культуре и русском народе и всего возмутительнее то, что объясняется все это очень просто, вероятно, — желанием попасть в тон”¹⁰. Только убежденный пацифист Максимилиан Волошин, не одобряя войны, возлагал надежду на отрезвляющее воздействие тяжелых испытаний на души воюющих противников¹¹. Из крупных писателей на открыто антимилицаристских позициях стоял один Максим Горький. В первые недели войны он делился мыслями в частном письме: “Как вспомнишь, что три года

⁶ Эрн В.Ф. Сочинения. — М., 1991. С.297.

⁷ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. №12. Отд.2. С.89.

⁸ Бердяев Н.А. Судьба России. — М., 1918. С.1.

⁹ Семеновский Д.Н. А.М. Горький. Письма и встречи. — Иваново, 1961. С.31.

¹⁰ Русская литература. 1974. №1. С.173.

¹¹ Епанчин Ю.Л. Над схваткой: пацифизм как позиция христианского гуманизма // Освободительное движение в России. — Саратов, 2007. Вып.22.

тому назад люди серьезно говорили о возможности планетарной культуры, о необходимости организации мирового разума, что была уверенность в прочности принципов, идеи международной солидарности лучших представителей человечества. И – вот! Люди науки свирепствуют так же, как простое пушечное мясо. Бессмысленно и бесстыдно разрушаются исторические памятники¹². Понимание целей войны в обществе практически отсутствовало. Не могли их ясно сформулировать ни правительственные круги, ни интеллигенция. По словам М. Геллера, “несмотря на обилие талантов в этот серебряный век, все написанное о войне поражает серостью, банальностью, надуманностью, даже при описании подлинных фактов и событий”¹³.

Подобная химера не могла просуществовать долго. При первых серьезных неудачах патриотический восторг сменился унынием и апатией, затем скрытые разногласия разгорелись с новой силой. Стали все громче раздаваться голоса, что правительство не способно вести войну, и поэтому дело снабжения армии и организации военного производства следует передать в руки “общественности” (буржуазии). Демократы шли еще дальше и всю ответственность за неудачный ход войны и ухудшение внутреннего положения перекладывали на эгоизм капиталистов, извлекающих сверхприбыли и раздувающих дороговизну предметов первой необходимости. Охранители черносотенного толка стали кричать о “государственной измене”, происках инородцев. Итогом стало образование в Государственной Думе летом 1915 года Прогрессивного блока, объединившего большинство депутатов под лозунгом образования “ответственного министерства”, то есть правительства, контролируемого не царем, а парламентом. Фактически это было требование смены власти во время войны. Николай II в очередной раз проявил нерешительность и непоследовательность. Он не разогнал Думу, но и не реформировал политическую систему, что можно было сделать, переложив ответственность за ведение войны на “общество”, и сохранить за собой роль верховного арбитра. Вместо этого он стал бесконечно тасовать министров, уступая общественному мнению и подрывая собственный авторитет. Вдобавок ко всему он добровольно взвалил на себя обязанности Главнокомандующего.

Общественность стремилась переложить ответственность за военные неудачи на царское правительство и преуспела в этом благодаря контролю над наиболее влиятельными печатными органами. Император вынужден был отстранить военного министра В.А. Сухомлинова, а затем и арестовать его по обвинению в государственной измене. Одновременно было принято решение привлечь общественных деятелей к обсуждению вопросов снабжения армии и организации промышленности. Частные предприятия стали получать громадные государственные заказы, выполнить которые они оказались не в состоянии. Образовавшийся Земгор под руководством князя Г.Е. Львова стал центром притяжения оппозиционных сил. Под предлогом выполнения необходимых фронту заказов (организация госпиталей, создание дополнительной санитарной службы, поставки сапог и шинелей, организации выступлений артистов в действующей армии) Земгор добился для своих служащих статуса проходящих действительную службу и стал своеобразным официальным при-

¹² Архив А.М. Горького. — М., 1966. Т.9. С.161.

¹³ Геллер М. Литература периода первой мировой войны // История русской литературы. XX век. Серебряный век. — М., 1995. С.605.

бежищем для массы уклонистов. В народе этих деятелей прозвали “земгусарами”.

Отделения Земгора находились в большинстве губерний России. Через его сотрудников и местную общественность либеральное руководство усердно распространяло антиправительственные слухи и настроения. Используя массовые антинемецкие настроения, воплотившиеся в погромах мая 1915 года, либеральная общественность стремилась канализировать их в определенном русле. В печатных материалах негативные факты давались, как правило, в контексте с упоминанием деятелей правительственного лагеря с иностранными фамилиями. В устных сообщениях постоянно подчеркивалось шпионское засилье в царском окружении, упоминалось немецкое происхождение Александры Федоровны, распространялись слухи о готовящемся сговоре Николая и Вильгельма. Разыгрывание патриотической карты явственно принимало узкопартийный характер. Вопрос об “истинном патриотизме” неоднократно поднимался в печати. Н.А. Бердяев поднял вопрос “Национальны ли правые?”¹⁴, впоследствии неоднократно возвращался к этой теме, доказывая, что официальный патриотизм противоположен действительным нуждам русского народа и препятствует образованию “единого фронта и тыла”¹⁵.

Дальнейший ход событий показал, что Россия к длительной войне не подготовлена. Милитаризация экономики вызвала дисбаланс внутреннего рынка, продовольственный кризис, расстройство транспорта. Создался парадокс: страна, имевшая излишки хлеба и других продуктов, не могла обеспечить приемлемый уровень жизни своих рабочих, занятых на военном производстве. Заработная плата за период войны выросла в полтора-два раза, в то время как цены на предметы первой необходимости поднялись в три-пять раз. Борьба за умы масс в создавшейся ситуации закончилась не в пользу правительственного лагеря. Все попытки правых органов печати переложить ответственность за дороговизну на плечи еврейского капитала и инородцев, пресекались и высмеивались либеральной прессой, наглядно показывавшей беспомощность и неуклюжесть правительственных чиновников. Либералы, пытаясь оседлать угасающую волну патриотизма, всемерно раздували тему “царицы-немки” и пересказывали сплетни о ее связи с Распутиным. Недаром после награждения Николая II орденом святого Георгия в солдатской среде распространилась поговорка “царь с Егорием, а царица с Григорием”. Одновременно обрабатывался генералитет и высшее офицерство действующей армии. А.И. Гучков, руководивший Центральным военно-промышленным комитетом, неоднократно посещал Ставку верховного главнокомандующего и часами беседовал с начальником штаба генералом М.В. Алексеевым, посвящая его даже в планы государственного переворота.

Но либеральная оппозиция была не единственной в стране. Демократическая интеллигенция была настроена не только антимоноархически, но и антибуржуазно. А.М. Горький писал в августе 1915 года: “Живут люди в страхе, но и страх не мешает жуликам жульничать. Буржуазия организуется, крепнет и, конечно, грабит страну, грабит, - как никогда еще не грабила! Москва стремится к власти на всех парах. Прогрессивный блок становится магнитом, ко-

¹⁴ Бердяев Н.А. Национальны ли правые? // Биржевые ведомости. 1915. №15240. 1 декабря.

¹⁵ Бердяев Н.А. Правые и единство России // Биржевые ведомости. 1916. №15402. 24 февраля.

торый все с большею силою притягивает к себе все способное жрать и воровать «ради спасения родины от врага». Правительство не уступает напору буржуазии, сопротивляясь по инерции, механически»¹⁶. 1 января 1917 года свое негодование на страницах проправительственной «Русской воли» излил и Леонид Андреев. Читателей он «порадовал» следующим новогодним памфлетом: «Прошел слух, что в новом году вас будут вешать на фонарных столбах. Очень боюсь, что не одна рука дрогнула и расплескала шампанское, внимая вести. Но... успокойтесь, господа мародеры: из авторитетных источников могу сообщить, что это неправда. А если и правда — все врут авторитеты! — то какая здесь беда, если вдуматься? Пустяки, господа мародеры! Ведь пока половину будут вешать, другая половина устроит чудесное дельце с веревкой и мылом и так взбодрит цены, что, глядишь, вешать и перестанут. И шея есть, и фонарь есть, а вешать нечем, — так-то, милые мародеры!»¹⁷

Одновременно в печати все чаще стали раздаваться голоса о том, что война несет не национальный, а классовый характер, отрицалась ее «спасительность» и благотворность для России. Особенно преуспевала в этом отношении горьковская «Летопись»¹⁸. Писатель-демократ «старался подбирать материал таким образом, чтобы всегда и неизменно проводилась мысль о необходимости борьбы с войной и противодействия ей»¹⁹. К такому же выводу приходили и символисты, видя в затянувшейся европейской мясорубке тупиковость «мещанской» цивилизации. А. Блок записал в дневнике: «Сегодня я понял наконец ясно, что отличительное свойство этой войны — невеликость (невысокое). Она — просто огромная фабрика в ходу, и в этом ее роковой смысл. Несомненно, она всех «прозаичнее» (ищу определения, путаясь в обывательском языке). Это оттого, что миром окончательно завладел так называемый антихрист. Отсюда — невозможность раздуть патриотизм; отсюда — особенный обман малых сих (солдаты, твердящие о «тевтонах», или: «Мы серые герои, уже шестой месяц проливаем свою последнюю каплю крови за отечество»)... Подвиги бывают мало, а сотен — не бывает (почти все подвиги подозрительны)... Восхищаются не этим. Предмет восхищения — за пределами этой войны; а предмет негодования сидит за ширмой, лица у него нет, поэтому пощечина ему остается не данной»²⁰. Эту же мысль развивал М. Волошин: «Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов. Идут на войну святые и мученики. Но все для того, чтобы стать желудочным соком в пищеварении осьминога»²¹.

В русле христианской традиции события все чаще стали трактоваться в апокалиптической и эсхатологической упаковке. Эти настроения пали на благодатную почву. Выход из тупика виделся в решительном разрыве с капиталистической цивилизацией, в революционном переустройстве мира. Поэтому победившей в Февральской революции интеллигенции не удалось сплотиться и организовать на основе буржуазно-демократических ценностей. Кадеты

¹⁶ Горький М. Собрание сочинений. — М., 1955. Т.29. С.339.

¹⁷ Андреев Л.Н. «Верните Россию!» — М., 1994. С.74.

¹⁸ Епанчин Ю.Л. М. Горький и журнал «Летопись» в годы Первой мировой войны // Освободительное движение в России. — Саратов, 2001. Вып.19.

¹⁹ Арский Р. М. Горький во время войны 1914 г. // Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. — М., 1928. С.285.

²⁰ Блок А.А. Записные книжки. 1901 — 1920. — М., 1965. С.283-284.

²¹ Купченко В.П. Жизнь Максимилиана Волошина. — СПб., 2000. С.171.

были отвергнуты как слишком умеренное крыло. Борьба доктрин и теорий, в которую с головой окунулась интеллигенция “свободной” России в условиях продолжавшейся войны, закончилась солдатской вольницей и анархией, дезорганизацией народного хозяйства, что естественно закончилось победой самой организованной силы, способной вернуть “порядок”, хотя бы в форме тоталитарной диктатуры. Интеллигенция несет свою долю ответственности за то, что в России из всех возможных путей развития реализуется наихудший.